

О СОВЕТСКОЙ СКУЛЬПТУРЕ

Ф. ЗОРИН. „Красные пини“
(Музей Революции)

Пока по всему фронту советского изо-искусства идут горячие споры о кризисе, а „Фомы-малюеры“ поговаривают и о крахе,— жизнь делает свое дело, отмечает безнадежно-изжитое, выпрямляет пути ищущих, ставит вехи и путеводные огоньки.

Процесс этот явно вступает в новую фазу, в фазу положительную, характеризующуюся уже не нащупываниями, не исканиями на авось, а определенными достижениями, выявлением основных линий, по которым идет развитие советского искусства. Наличие такого перелома нетрудно установить в области живописи. Еще четче дает он знать о себе в архитектуре. И даже в скульптуре, обычно плетущейся в хвосте, имеется уже материал, позволяющий проанализировать наличие двух основных направлений.

Одно из них—монументально-декоративное. А. Бакушинский прав, выдвигая его на первый план, как особо характерное для всей советской скульптуры¹⁾. Прав А. Бакушинский, отмечая наличие той же тяги к монументальности и в области скульптурного портрета. Последний явно отходит от былого интимно-салонного жанра и ставит перед собой проблему репрезентативности, символической выразительности. Но А. Бакушинский все же односторонен. Помимо монументально-декоративного момента он так-таки и не усматривает никаких иных устремлений в скульптуре наших дней. А они имеются. Мало того, наличие их является гарантией жизненной полнокровности и скульптуры монументальной.

Нельзя, в самом деле, упускать из виду, что и монументальная живопись и монументальная скульптура ценны и хороши вовсе не в силу одних только формальных качеств своих. Ценность их, как и всякого художественного произведения, определяется в конечном итоге способностью мастера усматривать в явлениях повседневного, будничного порядка глубокий общественный смысл и значение, способностью мелочные жизненные факты поднимать до уровня широких обобщений и облекать их в соответственные художественные формы, внушительно-импонирующие своей строгостью и гармоничной весомостью. Так что и тут, в сфере монументального искусства, на первом плане стоит содержание. Иными словами, и тут первое условие— умение жизненно, остро-наблюдательно подходить к окружающему, способность глубоко реагировать на все проявления социалистического строительства, способность гореть энтузиазмом борьбы за новый строй, страстно верить в торжество идеи коммунизма и столь же страстно ненавидеть все, что тормозит, что ставит палки в колеса бурному росту мировой революции.

Предпосылки не маленькие. И выставка ОРС этого года, при всех своих достоинствах, все же подтверждает не только правильность положений А. Бакушинского о значении момента монументальности, но и правильность моего утверждения, что подлинно-советского монументального произведения скульптура наша в этом году еще не дала.

Искания участников ОРС'а шли по линии формальной, по линии внешней. Нельзя же, в самом деле, полагать, что Сандомирская, широко прививая моделям своим слоновую болезнь (см. воспроизведения работы ее в № 28), действительно, членораздельно, удобравозумительно выявляет мощную статичность крестьянства. Не менее наивно было бы усматривать наличие подлинной монументальности в работах Шадра, яляющего преувеличенно-громоздкие натуралистические „муляжи“, лишённые и тени даже реалистического обобщения. Говоря это, я далек от мысли хулить названные произведения. У них имеются свои достоинства, и очень крупные. Я же рассматриваю их сейчас только под углом монументальности. С этой точки зрения не выдерживает строгой критики и прекрасная работа Прохорова „Молодая женщина“ и даже самое „культурное“, самое выдержанное на всей выставке ОРС'а произведение в смысле применения композиторских традиций старых мастеров,—рельеф Чайкова „На земле“. Споры нет, оно хорошо построено. Но после него как-то особо назойливо лезет

О. Н. ТАУБЕР. „Шептуны“ (Музей Революции)

в голову замечание Абрама Эфроса (в „Литературной Газете“): а для чего все это поналеплено, понарезано, понабито?

Для чего, в самом деле? Есть ли достаточное оправдание для всей этой затраты труда в том содержании, в том эмоциональном заряде, какой вносят авторы в свои работы? Конечно же нет. Из этого вовсе не следует, разумеется, будто вся работа их вхолостую пошла. Несомненно, в плане узкого мастерства, в плане технического, такого рода „пробы пера“ нужны, необходимы. И показ их, правда, не столько для широких масс, сколько для специалистов, имеет большую ценность. Если же подходить к ним, как к полноценным монументальным произведениям, то придется признать их несостоятельными: слишком слабо, слишком шаблонно, бесцветно оформлено в них новое миропределение. Нет в них настоящего пафоса строительства наших дней.

О. Н. ТАУБЕР. „Обыватели“ (Музей Революции)

Нет даже простой „изюминки“. Пресно до отказа. Все это словно бы уже видено, перевидено. В зубах понавязло.

Вот тут-то и выступает на сцену второй момент, дающий

С. Д. ЛЕБЕДЕВА

Женская „Головка“

(гипс)

И. Г. ФРИХ-ХАР

„Головка девочки“
(цемент)

М. Д. РЫНДЗЮНСКАЯ. „Девушка-рязанка“

(искусств. камень)

ИТКИНД. „Голова“—(дерево)
(Музей Революции)

посетителей. Это—небольшие статуэтки, одиночные и группы, частью отлитые из гипса и покрашенные, частью выполненные в своеобразном материале—из тряпок. Отличительная черта их—необычайная жизненность. Автор берет, самые, казалось бы, заурядные темы—„совбарышня“, „шептуня“, „мешечники“, „обыватели“, „снежная повинность“ и т. п. и трактует их так просто и вместе с тем так выразительно, что пройти мимо работ ее нельзя. Вы, наверное, никогда не видели этой барыньки, что вне себя от возмущения давится в змеином шипе против советской власти под аккомпанемент поддакиваний и подзуживаний пары собеседников „из хорошего общества“. Но вы ее прекрасно знаете, как прекрасно знаете этих „господ“. И так метко обрисована вся эта трючка и по общему облику и по ужимочкам, что зритель, сдерживая насмешливую улыбку, цедит сквозь зубы: „ах, гады!“

Таубер еще не нашла самое себя до конца. Она еще робует-Конфузится своих „тряпок“. А между тем за этим „мелким жанром“—большое будущее. Наша скульптура ждет своего Онора Домье. Он нужен, чтоб дать толчок, дать сдвиг в сторону приоткрытия изучения окружающей жизни, чтоб научить правильно расценивать свершающееся, чтоб влить живые, творческие соки и в область монументальной пластики. Сейчас роль Онора Домье выполняет вся группа работников „малого жанра“ в скульптуре. Отсюда, из этой сферы, исходит стремление к новой интерпретации натуры, к внесению нового психологического и идеологического содержания в скульптурный портрет.

Портрет в данный момент является как раз тем видом скульптуры, где с особой обостренностью сталкиваются струя формалистическая, идущая от монументальной скульптуры, с установкой, проводимой представителями „мелкого жанра“ в первую очередь на содержание. Именно здесь развертывается борьба противоречивых течений. С одной стороны, вещи типа „Головка девочки“ Фрих-Хара, трактованной явно в стиле буржуазного понимания „одухотворенности“ модели. С другой—„Девушка-рязанка“ Рындзюнская, в которой автор пытается, правда, не вполне выдержанно, сочетать новое понимание красоты, как выражения здоровья и силы, с монументальной массивностью оформления. А в интервалах—ряд, промежуточного порядка работ. Головы Иткинда, мастера изумительно одаренного, очень своеобразного, вносящего во все работы свои психологическую обостренность Достоевского, взрощенную чудовищными извращениями „черты оседлости“. И бюсты Лебедевой, свидетельствующие об острой холодной наблюдательности, но не переступающие через грань, ведущую к созданию монументального образа. Задерживает то ли отсутствие у автора пафоса революционного строительства, то ли слабость творческого темперамента вообще.

„Малый жанр“ свое дело делает, продвигает момент „содержания“ к монументалистам. А монументалисты, пока что, бьются над формальными проблемами, расчищают дорогу.

Таковы две линии развития скульптуры наших дней. Ставить вопрос, которая из них важнее, нелепо. Обе две. Но только не в разединении, а при условии взаимного оплодотворения. Ибо момент „монументальности“ в известном смысле необходим ведь и для „малого жанра“. Бывают даже случаи, когда вещь малая по формату оказывается насыщеннее монументальным моментом, нежели фреска или монумент.

Таковы работы самоучки Зорина. Вырезанные из обрубков фигурки „партизанов“ и по оформлению и по насыщенности содержанием с полным правом могут быть отнесены к произведениям монументальной скульптуры.

Самоучка-Зорин—пока единственный мастер, сумевший сочетать воедино обе струи современной скульптуры.

¹⁾ См. предисловие его к „Каталогу 3-й выставки О. Р. С.“ М. 1929.

ЖИЗНЬ ИСКУССТВА

№ 31
1351

945018 ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЖИЗНЬ ИСКУССТВА

ЛЕНИНГРАД II — УЛИЦА ЗОДЧЕГО
РОССИ, 2, ТЕЛЕФОН РЕДАКЦИИ 136-75
ТЕЛЕФ. КОНТОРЫ 231-41. РЕДАКЦИЯ
ОТКРЫТА ОТ 12—6, КОНТОРА ОТ 11—5

4 АВГУСТА 1929 Г.
ВОСКРЕСЕНЬЕ
12-й ГОД ИЗД.

ЦУНБ им. Н.А. Некрасова
Отдел хранения фондов

МОСКВА 9 — СТРАСТНОЙ БУЛЬВАР, Д. 2. ТЕЛЕФОН 2-61-45
ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: НА ГОД—12 РУБ., НА ПОЛГОДА—6 Р.,
НА 3 М.—3 Р., НА 1 М.—1 Р., ЗА ГРАНИЦУ—1 ДОЛЛАР В МЕС.
ОРГАН ЛЕНИНГР. ОБЛНО. ИЗД. ТЕА-КИНО-ПЕЧАТИ

ДЕНЬ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ

По инициативе ленинградских рабочих 6-ое августа объявлено праздником труда и индустриализации. Этот день рабочие Советского Союза будут отрабатывать для ускорения темпа индустриализации страны.

В Советском Союзе за 12 лет пролетарской диктатуры рабочий класс показал немало героических актов. На фронтах гражданской войны и в эпоху разрухи рядовые рабочие своим героизмом совершали чудеса и укрепляли дело пролетарской диктатуры.

Новые времена выдвигают новые задачи. Порох надо держать сухим. Винтовку усиливать аэропланом и танком. Укрепить дело химизации страны. На смену восстановительного периода пришла эпоха реконструкции. Надо перестраивать хозяйство на новых началах и подводить более высокую техническую базу.

Как встретили рядовые рабочие эпоху реконструкции? Пока нытики и пессимисты, всякого сорта оппортунисты, правые и примиренцы толковали о «деградации» сельского хозяйства, о «размычке», о несостоятельности взятого нами темпа индустриализации — рядовые рабочие показали чудеса трудового героизма.

В стране советов развернулось социалистическое соревнование заводов и фабрик. Соревнование начало практиковаться как форма и метод социалистического строительства. Соревнование показало высокий рост социалистического сознания рабочих масс. Соревнование опрокинуло все холодные расчеты канцеляристов, соревнование шагает из завода в завод, подымает новые и новые массы.

На путях социалистического соревнования родилась идея дня индустриализации. День индустриализации — высшая форма социалистического соревнования. Это организованный пролетариат выразил свою волю к ускорению темпа индустриализации страны и доказал, на какие акты он способен, чтобы строить социализм.

С совершенно исключительной быстротой идея дня индустриализации охватила самые широкие массы. Известно, что идеи становятся силой, когда они овладевают массами. Мы были свидетелями, как быстро откликнулись все города Советского Союза на эту идею, рожденную пролетариями Ленинграда. Она действительно овладела массами и поэтому, само собою, все заводы и фабрики заявили, что согласны на установление этого дня как ежегодного трудового праздника.

В чем политическое и экономическое значение для индустриализации?

Владимир Ильич Ленин говорил, что политика начинается там, где речь идет о миллионах, что в истории надо записывать то, что прочно завоевано огромными массами. За день индустриализации высказались миллионы. Это весь рабочий класс голосовал за решения XVI партийной конференции, за политику коммунистической партии. День индустриализации — это проверка политических настроений широких масс трудящихся. Они сплочены вокруг партии и советского правительства, они верят в свою партию и готовы во имя строительства социализма на всякие жертвы.

День индустриализации показал, что колебания и шатания в отдельных прослойках рабочего класса не имеют глубоких корней, что весь рабочий класс способен на героические акты для ускорения темпа индустриализации.

С чисто экономической стороны значение этого дня очень велико. Если рабочие в течение 5 лет будут ежегодно отрабатывать в пользу индустриализации, мы получим дополнительные средства не меньше чем 300 милл. руб. для строительства новых заводов и фабрик. А если день индустриализации будет пере-

брошен и в деревню (а рабочий класс об этом должен будет позаботиться), тогда страна получит не меньше миллиарда для ускорения дела индустриализации страны и коллективизации сельского хозяйства. Совершенно ясно, что одним концом день индустриализации служит укреплению смычки рабочего класса и крестьянства. Крестьяне бедняки и середняки сами убедятся, как рабочий класс на деле строит социалистическое хозяйство, и последуют за своим руководителем.

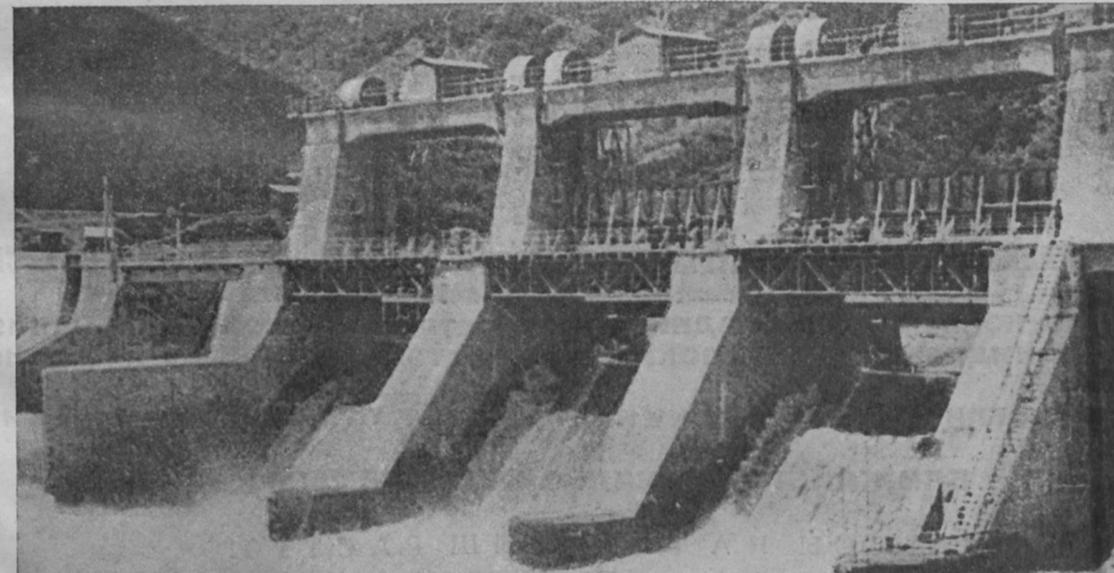
Для профессиональных союзов проведение дня индустриализации является серьезным экзаменом. Профессиональные союзы являются главными организаторами и инициаторами этого дня. Весь фонд отработки будет сосредоточен в руках профсоюзов. Чтобы этот день прошел как трудовой праздник, прошел как день образцовой работы, дисциплинированности в труде — необходимо не ослаблять разъяснительную работу и мобилизовать все средства воздействия профсоюзов, чтобы превратить день индустриализации в самую мощную, трудовую демонстрацию пролетариев СССР.

С этой целью в клубах и красных уголках предприятий и учреждений должны быть организованы производственные выставки, смотры и т. п. В печатных и стенных газетах и журналах должна быть развернута широкая информация и переписка с другими предприятиями о ходе социалистического соревнования, подъеме и лучшей организации производства. Библиотеки и читальни должны подготовить показательные выставки литературы и журналов по вопросам индустриализации. Желательны экскурсии на соседние предприятия. Для организации массовых гуляний необходимо использовать клубы, кино, театры, сады, посвятив часть их программ вопросам индустриализации и пятилетнего плана социалистического строительства.

Необходимо помнить, что 6-ое августа является серьезным экзаменом и для советского искусства, как профессионального, так и самодеятельного. Актеры, музыканты, эстрадники, деятели кино, самодеятельные драмкружки, живые театры, трамвайдра, затайники, инструментальные и хоровые ансамбли, которые будут выступать в день индустриализации днем — на предприятиях в обеденных перерывах, вечером — в театрах, кино, рабочих клубах и садах, — должны проявить максимум чуткости, такта и понимания своей художественной задачи при подборе репертуара, который по содержанию должен отвечать творческому энтузиазму строителей социализма, а в самодеятельных формах — базироваться по преимуществу на местном актуальном материале (улучшение производства, 3-й заем индустриализации и т. д.).

К сожалению, в текущем году, когда вопрос о непрерывной работе наших художественных предприятий находится еще в стадии дискуссии, крупнейшие наши театры из-за летнего вакационного перерыва в своей деятельности не могут сейчас принять активного участия в проведении дня индустриализации. Но надо думать, что по открытию нового сезона эти свернувшиеся на лето театральные организации проведут у себя, хоть и с некоторым опозданием, день индустриализации с демонстрацией своих достижений в области приближения своей работы к задачам революционного искусства, улучшения качества производства, выработки пятилетнего плана, социалистического соревнования с другими предприятиями и т. д.

Нельзя забывать, что искусство в нашей стране должно твердо идти в ногу с целями и темпом социалистической стройки и только то искусство может рассчитывать на внимание к себе со стороны широких рабочих масс, которое отражает пафос созидательной эпохи, связано с борьбой за осуществление стоящих перед нами великих задач и организует нашу волю и сознание на пути к созданию социалистического общества.

Кадры из фильма
„РАПОРТ МИЛЛИОНАМ“

№ 31
1 9 2 9

ДА ЗДРАВСТВУЕТ РАБОЧИЙ КЛАСС, СТРОЯЩИЙ СОЦИАЛИЗМ В СТРАНЕ СОВЕТОВ!
ДА ЗДРАВСТВУЕТ ИСКУССТВО, ОТРАЖАЮЩЕЕ ВЕЛИКУЮ ЭПОХУ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ СТРОЙКИ!